

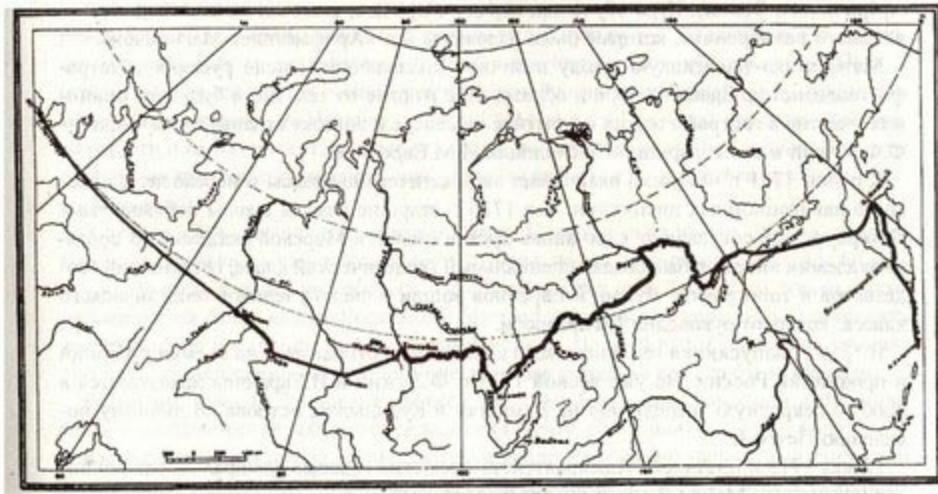
ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ ЛУЖИН — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАМЧАТКИ И КУРИЛ

В цепи замечательных достижений российского флота в XVIII веке почетное место занимают географические исследования и открытия на севере и востоке страны и в прилегающих морях Тихого и Северного ледовитого океанов. Одним из первых предприятий такого рода явилась экспедиция двух русских геодезистов — Ивана Евреинова и Федора Лужина на Камчатку и Курильские острова, предпринятая в 1719–1721 гг. по именному повелению Петра I.

Имя Федора Федоровича Лужина привлекло недавно внимание исследователей в связи с тем, что в бывшем имении дворянского рода Лужиных в Дмитровском уезде Московской губернии находится сейчас Московская городская станция юных туристов².

Автор настоящей статьи более 40 лет назад посвятил экспедиции Евреинова и Лужина специальное исследование и искренне рад вновь проявившемуся к ней интересу со стороны юношеского туристского движения. Труды этой экспедиции, их значение в исследовании и картографировании далеких окраин северо-востока России: северного побережья Охотского моря, Камчатки и северных островов Курильской гряды

Маршрут экспедиции Евреинова и Лужина (1719–1721 гг.)

¹ Евтеев О.А. — автор книги «Первые русские геодезисты на Тихом океане». М., 1950

² Возможную связь Ф.Ф.Лужина с родом Лужиных — владельцев Дмитровского имения предположила В.Н.Ясинская.

ды — того заслуживают. Особенно уместно вспомнить об этих трудах в связи с 300-летием Российского флота и 275-летием самой экспедиции Евреинова и Лужина.

Федор Федорович Лужин родился в 1695 году, судя по сохранившимся документам — в семье церковнослужителя. Возможно, местом его рождения была Москва (поскольку нет данных о его иногороднем происхождении).

В 15 лет он поступил в Московскую математико-навигацкую школу — первое светское учебное заведение в России. Математико-навигацкая школа — своего рода политехникум — была основана в 1701 году Петром I для удовлетворения потребностей флота в квалифицированных навигаторах. Однако на практике ее задачи оказались шире — в этой школе обучалось большинство образованных людей того времени и выпускники ее работали в различных областях деятельности: географии и геодезии, картографии, морском деле, землеустройстве, строительстве дорог и каналов и др. Школу «ввели» четыре преподавателя: профессор Фарварсон и его помощники Гвин и Грейс (все — англичане), а также Леонтий Филиппович Магницкий — автор знаменитой «Арифметики», которая явилась первым учебником для М.В.Ломоносова. Магницкий ведал младшими классами школы, в которой обучали языку («русская школа») и математике (арифметике, геометрии и тригонометрии). После этого ученики переходили к англичанам, преподававшим навигационное дело и связанные с ним дисциплины: навигацию «меркаторскую» (плавание по морским картам в меркаторской проекции), «диорналы» — правила ведения корабельных и других журналов, «сферику» (сферическую тригонометрию), астрономию (правила определения мест по светилам), «географию» (сведения из математической картографии), «круглую навигацию» (кораблевождение на значительные расстояния с учетом сферичности Земли). Курс обучения, наряду с прочим, включал начала геодезии — «земного размерения», которые были изложены и в «Арифметике» Магницкого.

Математико-навигацкую школу окончило подавляющее число русских топографо-геодезистов. Здесь получили образование многие из тех, кто в будущем принимал участие в географических открытиях на севере и востоке страны, в том числе — Ф.Ф.Лужин и его товарищ по экспедиции И.М.Евреинов.

К осени 1711 г. Ф.Лужин оканчивает математические классы и переходит к освоению навигационных дисциплин. А в 1716 г. старшие классы школы переводятся в Петербург, где составляют ядро вновь организованной Морской академии. В составе академии впервые был создан специальный геодезический класс, готовивший геодезистов и топографов. Лужин и Евреинов вошли в число учеников геодезического класса, которым руководил Г.Фарварсон.

В 1719 г. выпускники геодезического класса были отправлены на съемки губерний и провинций России. Но уже весной 1718 г. Ф.Лужин и И.Евреинов назначаются в особую секретную экспедицию на Камчатку и Курильские острова по личному повелению Петра I.

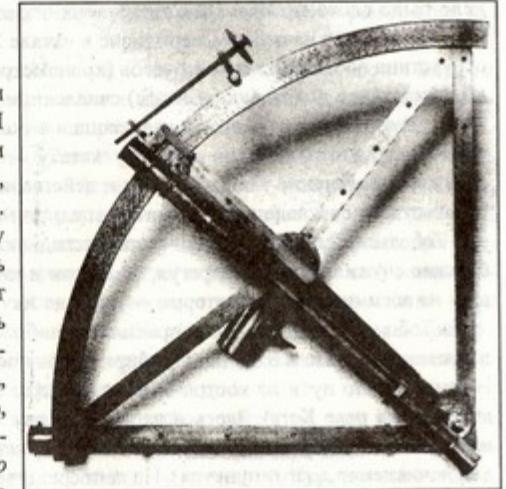
28 мая 1718 г. президент Адмиралтейств-коллегии генерал-адмирал Апраксин писал президенту Морской академии графу Матвееву, «чтобы из навигаторов, которые искусны в географии к сочинению карт, для описания земель в Сибири выбрав», прислать их к нему, Апраксину. Немедленно, 29 мая, Фарварсон и Гвин выбрали из учеников геодезического класса Федора Лужина и Ивана Евреинова как освоивших это

Квадрант астрономический

дело. Однако посылка экспедиции задержалась. В конце года Петр I принял обоих геодезистов, которым была дана специальная инструкция, черновик которой правил сам царь. Она гласила: «Инструкция Ивану Евреинову, Федору Лужину. Ехать вам до Тобольска (Тобольска) и от Тобольска взяв провожатых ехать до Камчатки и далее куды вам указано. И описать тамошние места, где сошлася ли Америка с Азию, что надлежит зело тщательно зделать не только сюид и норд (*t.e. по широте*. — *O.E.*), но и ост и вест (по долготе), и все на карту исправно поставить. А об отправлении вашем из Тобольска и о даче подвод и провожатых и прочтого, в чем будет нужда, Сибирской губернии к ландратам и прочим управителем указ послан. 1719 января 2 дня». Но задание определить, сошлась ли Америка с Азией было дано, по-видимому, «для отвода глаз». Подлинная же, секретная цель экспедиции была связана, можно полагать, со сведениями, ранее полученными от русских землепроходцев, о том, что на одном из островов Курильской гряды добывают какую-то ценную руду. Это совпадало с информацией западных мореплавателей о землях к северу и востоку от Японии. Петр I, стремившийся где только можно найти и приобрести месторождения драгоценных металлов (например, по Иртышу, в Средней Азии и т.д.) не хотел упускать этой возможности и на Курилах, тем более что тогда, по свидетельствам землепроходцев, эти острова не принадлежали какой-либо стране (японцы в ту пору колонизовали только Хоккайдо).

В январе 1719 г. экспедиция отправилась из Петербурга на восток. Мы не знаем ее маршрута в пределах европейской части страны; по-видимому, она следовала по тракту на Вологду и далее на Тобольск. Не случайно этот путь был осуществлен в зимнее время: на санях можно было ехать быстрее и с меньшей опасностью повредить геодезические инструменты, чем летом в телегах. На этой части маршрута геодезисты еще не вели съемок и астрономических измерений — все это было впереди.

Вероятно, к весне Лужин и Евреинов достигли Тобольска. Здесь они выполнили первые геодезические работы: определили (впервые в истории) широту города — посредством астрономического инструмента квадранта, позволявшего с достаточной точностью (до 1 минуты) наблюдать высоты над горизонтом для Солнца, Полярной звезды и других светил. Тем самым они приступили к выполнению задания Петра I, изложенного в инструкции: «...И описать тамошние места... что надлежит весьма тщательно зделать не только сюид и норд, но и ост и вест...» С помощью квадранта находились широты пунктов (то есть их положение «сюид» и «норд»)¹. С долготами

дело было сложнее. Непосредственное их определение по разнице местного времени с временем в начальном меридиане в начале XVIII века еще не было в ходу из-за отсутствия достаточно точных часов (хронометров). Наиболее употребительным было нахождение долгот (их разницы) счислением — по широтам двух точек и расстоянию между ними. В этом случае разница в долготе определяется как катет сферического треугольника: по другому катету — разнице широт и гипотенузе — расстоянию. Именно таким образом и действовали наши геодезисты (как о том свидетельствует составленный в итоге экспедиции каталог координат пунктов).

В Тобольске был сформирован состав экспедиции. В нее вошли, кроме геодезистов, сибирские служилые люди: 6 драгун, 10 дворян и казаков. Первые сопровождали геодезистов на всем их маршруте, вторые — лишь до Якутска.

Из Тобольска экспедиция отправилась наиболее надежным в те времена путем — по рекам, которые в Западной Сибири вскрываются ото льда обычно в мае. Первой «станцией» по пути на восток был город Тара; за ним следовали Томск и село Маковское (на реке Кеть). Здесь и далее по всему маршруту экспедиции самым сложным было определение расстояния между пунктами (необходимое, как мы видели, для исчисления долгот пунктов). На непосредственные промеры у геодезистов не было времени. Скорее всего, использовались данные о расстояниях между пунктами, полученные ранее российскими землепроходцами и служилыми людьми — обычно весьма приближенно, на основании длительности пути тем или иным транспортом (на судах, на лошадях, оленях и т.д.).

Из Маковского экспедиция перебралась через болотистый водораздел Оби и Енисея и вышла к г. Енисейску. Здесь она снова погрузилась на судно и по Енисею, Ангаре и Илиму вышла к Илимскому Острогу. К этому времени в Восточной Сибири уже наступила зима и по рекам (как и много позднее) двигались на санях. Преодолев водораздел между Илимом и Леной, экспедиция вышла на Лену в Усть-Куте и в мае 1720 г. прибыла в Якутск — центр освоения северо-востока России в XVII—XVIII веках. Это произошло весьма вовремя. Впереди лежал трудный путь по рекам через горы в Охотск. Как всегда, выполнив астрономические наблюдения, геодезисты и сопровождавшие их драгуны отправились из Якутска вниз по Лене, затем по Алдану и его притоку Мае и Юдоме до зимовья — Юдомского креста — уже испытанным до них маршрутом. Далее экспедиция пересекла короткий горный водораздел и вышла на реку Урак, по которой (видимо, сухим путем) спустилась к Охотскому морю и по его берегу — в Охотский острог, откуда только за 4 года до того было совершено первое плавание морем на Камчатку и обратно².

В Охотске в экспедицию влились находившиеся там мореходы К.Мошков, Г.Березин и А.Буш (пленный матрос шведской службы, голландец). Они подготовили к плаванию единственное в Охотске морское судно — «лодию». Эта «лодия» была размерами всего 8,5 x 3,5 сажени (около 18 x 7,5 м). Она не имела палубы. Вме-

сте с тем, лодия была легка на ходу и в целом обладала неплохими мореходными качествами.

В сентябре 1720 г. экспедиция вышла в море. Лодия прошла вдоль берега моря на восток, предположительно, до полуострова Кони. Далее она пересекла открытый участок моря и вышла к острову Птичьему напротив устья реки Хайрюзовой на Камчатке, а оттуда вдоль берега — к устью реки Ичи. Всего это плавание заняло 9 дней.

На Камчатке экспедиция перезимовала. Мореходы с лодией остались в устье Ичи, а геодезисты отправились в Нижний острог (ныне Козыревск) — через Верхнекамчатский острог и по реке Камчатке. Зимнее время геодезисты использовали для сбора материалов по географии и топографии Камчатки и производства астрономических измерений в ряде пунктов полуострова, что впоследствии было ими использовано для составления карты Камчатки. Нельзя не отметить также стремление их к выявлению самоуправства и лихоимства тогдашней камчатской администрации, о чем позднее И.Евреинов доносил самому Петру I.

Весной 1721 г. геодезисты отправились из Нижнего острога по реке Камчатке на юг — в Большерецкий острог, куда мореходы к этому времени привели лодию. От этого пункта начиналась главная часть экспедиции — плавание на Курильские острова.

Первые сведения о Курильской гряде были получены русскими еще в конце XVII века. В начале XVIII века предпринимается ряд попыток «проводывания» Курильских островов. В 1711–1718 гг. И.Козыревский совершает два «похода» на ближние к Камчатке Курильские острова. Результатом этих походов явились богатые сведения о Курилах вплоть до Японии, в том числе — и о том, что на шестом (от Камчатки) острове «нифонцы» (японцы) якобы добывают и вывозят на больших кораблях некую «руду» («каменье»). «А какое каменье — и того толмачи (переводчики) камчадальским языком перевести не знают, понеже никаких руд не видали...» Как мы ранее отмечали, именно это известие могло побудить Петра I к посылке экспедиции Евреинова и Лужина.

Из известных до сего времени документов удается установить лишь фрагменты плавания экспедиции вдоль Курильской гряды. Однако ее материалы (каталог пунктов и карта) позволяют считать, что оно было осуществлено последовательно, от острова к острову — непосредственно или в виде островов. Об этом можно судить по совершенно точному отображению протяженности всей гряды с северо-востока на юго-запад и верной соразмерности расстояний между отдельными островами (к сожалению, они обозначены в материалах экспедиции лишь условно — буквами латинского алфавита). Плаванье в это время года вдоль Курильской гряды сопряжено с опасностями из-за частых штормов. Опасными являются и проливы между островами вследствие сильных течений — сулоев и в ряде случаев — подводных камней. В частности, в проливе между островами Шиашкотан (пятым) и Райкоке (шестым) находятся скалы с характерным названием — Ловушки, где наблюдаются сильные водовороты. А остров Райкоке (у Козыревского — Шайкоке) и был предполагаемой целью экспедиции. Если геодезисты высаживались на шестом острове, то, следовательно, добывчи руды они там не обнаружили. Остров Райкоке — небольшой, поднимающийся из моря вулкан со скучной растительностью на скалах и даже без значительных источников пресной воды.

¹ Не случайно это подчеркнуто и в инструкции Петра I: «Не только сюд и норд, но и ост и вест».

² Это плавание осуществили на построенным в Охотске судне — «лодии» мореходы К.Соколов и Н.Треска в 1716 (туда) и 1717 (обратно) гг.

Но отсутствие руды на шестом острове не остановило экспедицию. Она проследовала гораздо дальше (может быть, в надежде, что руда найдется на одном из последующих островов гряды). Так были пройдены острова Матуа, Расшуа, Ушишир и Кетой. У следующего, относительно большого (59 км в длину) острова Шимушир лодия стала на якорь, чтобы участники экспедиции могли пополнить запасы воды и продовольствия и продолжить поиски. Однако начался сильнейший шторм. На лодии изорвало парус. На третьи сутки якорный канат лопнул и судно понесло в открытое море. Лишенная управления лодия в течение семи суток носилась по бурному морю. Лишь после этого шторм утих, ветер переменился и лодию с обессилевшим экипажем принесло обратно, ко второму острову гряды Парамуширу. Здесь удалось починить парус и изготовить новый «якорь» — из связанных вместе пушки и наковальни (однако при подъеме этот «якорь» вновь оборвался). Несмотря на эти трудности, мореходам удалось привести лодию к Камчатке благодаря попутному южному ветру, и в конце июня 1721 г. — через месяц с небольшим после отплытия с Камчатки — экспедиция вернулась в Большерецкий острог.

В Большерецке мореход Мошков соорудил новый «якорь» (на этот раз — деревянный, окованный железными сковородами), были приведены в порядок снасти, и уже 12 июля 1721 г. экспедиция отправилась в обратное плавание в Охотск. Вместе с ней на материк возвращался и камчатский «приказчик» Шестаков, отрешенный Евреиновым от власти за лихонимство, взятки и хищение государевой казны.

Из Охотска экспедиция прежним путем — по рекам к сентябрю 1721 г. возвратилась в Якутск.

Однако в Якутске Евреинову и Лужину были предъявлены неожиданные претензии. Дело в том, что во время экспедиции в 1720 г. по указу Петра I во все губернии и провинции России были посланы геодезисты (по два человека в каждую) для производства топографических съемок и «сочинения» ландкарт (топографических карт). Всем губернаторам и воеводам предписывалось «смотреть, чтоб они (геодезисты) без дела не были и даром жалования и подвод ямских или уездных излишних для своих приходей не брали...». У тобольской администрации, которой было неведомо задание наших геодезистов, это вызывало беспокойство, и как раз во время плавания на Курилы, якутскому воеводе Измайлову был послан запрос «...о вышеписанных посланных геодезистах Евреинове и Лузине (так. — О.Е.) справитца, в которых они ныне городах (!) и что с приезду сделали и ныне что делают... и о том о всем в тобольскую губернскую канцелярию ведения присыпать немедленно».

Поэтому по прибытии геодезистов в Якутск Измайлов письменно сообщил им о полученном им указе с требованием ответа. 3 сентября 1721 г. геодезисты направили Измайлову письмо следующего содержания. «Сего 1721 году, сентября в ... день в присланном письме от вашего благородия ... к нам писано: по указу де царского величества велено вам у нас требовать ответствия о отправлении его великого государя дел по данным нам пунктам; а пунктов нам не дано, а велено нам отправлять по данному нам наказу за собственною его царского величества рукою, по которому мы с помощью всесильного Бога, что надлежит отправили, о котором отправлении будем ответствовать самому его царского величества: понеже убо мы отправлены по упомянутым наказам и послужного указу из кабинета¹, за собственною его царско-

го величества рукою данного нам; а о послужном указе ведомо в канцелярии вашего ведомства. А ныне в Якуцку мы живем для того, что зимней путь не определился и чтоб не портить данных нам инструментов. А когда нам путь удобен будет, то мы без всякого медления из Якуцка в Сантпите́рбурх для помянутого ответствия поедем».

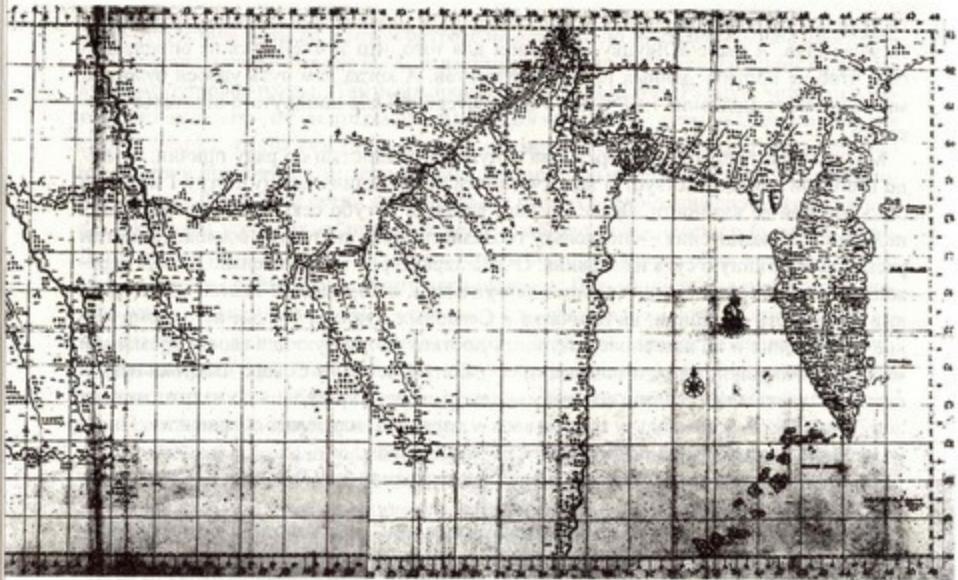
Мы привели текст ответа Евреинова и Лужина полностью по ряду причин. Прежде всего, он свидетельствует о подотчетности экспедиции самому Петру I и, стало быть, особой ее важности. Далее, из него явствует сугубо секретный характер экспедиции и ее назначения — поскольку геодезисты даже якутскому воеводе не могли раскрыть подлинную суть их задания. Очень характерно и поучительно то, как бережно относились геодезисты к своим инструментам, которые дали возможность впервые произвести в Сибири, на Камчатке и Северных Курилах точные астрономические наблюдения и на их основе построить достаточно точную для своего времени и масштаба обзорную карту огромных пространств Востока и Северо-Востока нашей страны. Отметим, кстати, что «ответ» свидетельствует определенно о выполнении поручения Петра I, поскольку они по наказу царя «что надлежит отправили». Письмо геодезистов как бы подводит итог всей экспедиции.

По установлении санного пути геодезисты отправились в Тобольск. Однако далее их дороги разошлись.

Дело в том, что еще в 1721 г. Правительствующий Сенат, которому к этому времени были подчинены упомянутые работы по съемкам и картографированию губерний и провинций России, заочно указал Евреинову и Лужину, как находившимся на съемках Сибирской губернии, «быть для сочинения ландкарт в Вятской провинции» (входившей тогда в состав Сибирской губернии). Можно предположить, что сибирский губернатор князь Черкасский, получив извещение о том, что Евреинов и Лужин посланы в Сибирь для сочинения ландкарт, со своей стороны требовал начала этих работ. Так или иначе, но в Петербург из Тобольска поехал с отчетом об экспедиции один Евреинов. Лужин же был оставлен в Тобольске в распоряжении местной администрации. Это привело к некоему затушевыванию его роли в результатах работ и прежде всего — в итоговой карте. И Евреинов доложил Петру I результаты экспедиции, но не в Петербурге, а в Казани, где в это время шла подготовка к Персидскому походу по Волге через Каспий. Это произошло 30 ноября 1722 г., примерно через год и 2 месяца после выезда геодезистов из Якутска. Петр I с интересом выслушал Евреинова и рассмотрел представленную им карту Сибири, Камчатки и 14 Курильских островов с каталогом координат пунктов. Евреинов представил царю и особое донесение «О камчацком обхождении», где описаны преступления местной администрации по отношению к коренным жителям края. Все эти материалы сохранились в делах Кабинета Петра I. Они достаточно изучены и описаны как в историко-географическом, так и в картографическом отношениях.

Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что материалы экспедиции представлены царю исключительно от имени лишь одного из ее главных участников — И. Евреинова. Имя Ф. Лужина нигде не упоминается. Между тем, как мы видели, в письме Измайлову в Якутске геодезисты выступают как равноправные ли-

¹ Личной канцелярии Петра I.

Карта И.М. Евреинова—Ф.Ф. Лужина (1721 г.)

ца — в строгом соответствии с исходной инструкцией Петра I. Да и в государственных съемках губерний и провинций, как правило, в каждую из них выделялось по два геодезиста. Если один из них назначался главным, это особо оговаривалось.

Единолично Евреиновым подписана и итоговая карта экспедиции, носящая теперь его имя. Однако, по справедливости, следует считать ее картой Евреинова и Лужина, поскольку никакого приоритета в ее создании Евреинов не имел.

После доклада Петру I Евреинов зиму 1722–23 гг. провел в Москве, а затем был направлен на съемки в Вятскую провинцию (согласно упомянутому выше решению Сената 1721 г.). Там в феврале 1724 г. он скончался.

Иначе сложилась судьба Ф.Лужина. 26 ноября 1722 г., почти одновременно с докладом Евреинова Петру I, Лужин получил задание сибирского губернатора «ехать в Иркуцкую провинцию и той провинции в города и в уезды и для описания рек» — в соответствии с указом 1720 г. Помимо прочего, Лужину поручалось найти около реки Оки (притока Ангары) на горе Саван некоего «идола» и, если найдет, — составить его чертеж. Подобные поручения при Петре часто давались служилым людям для поиска разных «куриозных» объектов: памятников искусства, культовых предметов и т.п.

Лужину в помощь был придан боярский сын Иван Буткеев из Кузнецка, якобы знакомый с иркутскими краями. Однако уже по дороге в Иркутск Буткеев упросил Лужина заехать в Кузнецк, где признался в незнании ни Иркутской провинции, ни упомянутого «идола». Лужин оставил его в Кузнецке, а сам отправился в Иркутск, сообщив о случившемся в Тобольск (18 июня 1723 г.).

По получении донесения Лужина тобольская губернская канцелярия 12 августа 1723 г. наказала Буткеева, нещадно отдав батогами. Лужин получил выговор за то, что поверили Буткееву и заехал в Кузнецк, и строгое предписание следовать данной ранее инструкции (26 ноября 1722 г.) «не имел в том никакой отговорки, а надлежало бы в том иметь тщательное仁ение, а он, Лужин, в таких переездах только продолжает время и чинит своими отговорами замедление...»

Иркутская провинция в то время охватывала огромные пространства Восточной Сибири: все Предбайкалье и Забайкалье. Произвести съемки и составить карты таких пространств, к тому же крайне мало освоенных и заселенных, одному геодезисту было явно не по силам. Неизвестно, насколько удалось Лужину продвинуться в этих работах. Посланные вслед за ним в Сибирь в феврале 1724 г. геодезист П.Скобельцын и «ученики геодезии» И.Свиристов, Д.Баскаков и В.Шестилов получили задание в первую очередь «учинить» описание и ландкарты землям по границе с Китаем.

Что же касается Лужина, то его вскоре ожидала новая неприятность. В самом конце 1724 г. для ускорения губернских и провинциальных топографических съемок Сенат распорядился во все провинции «послать подтверждительные указы, ежели тех губерней и правинцией уездом ланткарты учинили, то со оными тех геодезистов выслать в Санктпитеурх и явитьца в Сенат немедленно, а которые ланткарты нездели или и зделали, а не всех уездов и оных геодезистов в том понуждать, чтобы окончали в немедленном времени а пока тех ланткарт не окончат и им жалованья не давать а давать для пропитания салдацкой корм. И о том во все Губернии и в правинции в том числе и в Сибирскую губернию о удержании жалования помянутому Лужину указ из Сената послан»¹. Дело в том, что Лужин в свое время не прибыл на съемки в Вятскую провинцию — поскольку был оставлен в Тобольске и направлен в Иркутскую провинцию. И вот теперь из-за канцелярской путаницы был лишен и того скромного жалования (6 рублей в месяц), которое получал за свои нелегкие труды.

Произошло это, видимо, в марте 1725 г. А в декабре 1724 г. Петр I предпринимает новую экспедицию для исследования Северо-Востока страны — так называемую Первую камчатскую экспедицию, которую возглавил капитан-командор, датчанин на российской службе Витус (в России — Иван Иванович) Беринг.

Показательно, что, начиная это новое дело, Петр I вспомнил об экспедиции Евреинова и Лужина. 18 декабря 1724 г. Петр, «будучи у Генерала Мазора и Обер-Саваэра Головина на асаблеи (ассамблее. — О.Е.) указал прибывшаго из сибирской губернии с камчатки Геодезиста Евреева (так. — О.Е.) которой послан был на оную реку Камчатку из академии (Морской. — О.Е.) в прошлом 1718-м году сыскать и представить его величеству». Поиск Евреинова не увенчался успехом; было установлено только, что он умер 3 февраля того же 1724 г. на съемках в Вятской провинции.

Однако в Сибири в экспедицию Беринга был вовлечен Ф.Ф.Лужин. Он присоединился к экспедиции, по-видимому, в Илимском остроге, связанном тогда прямым путем с Иркутском, где Лужин находился на съемках. Это произошло зимой 1725–1726 гг. В июне 1726 г. экспедиция прибыла в Якутск, а уже 7 июля отправилась да-

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА), фонд Сената, книга 1201, листы 173–174.

ле на Охотск — тем же маршрутом, что и ранее экспедиция Евреинова и Лужина. Однако в пути из-за тяжелых грузов экспедиция Беринга задержалась и в устье Юдомы была захвачена морозами. Часть экспедиции, руководимая лейтенантом М.Шпанбергом, куда входил Ф.Лужин, была вынуждена тянуть грузы в Охотск на нартах, за- пряженных людьми.

В пути кончились запасы пищи. Приходилось есть падаль, кожаную обувь и ремни. Отряд Шпанберга потерял многих людей. 11 марта 1727 г. в Юдомском зимовье («кресте») скончался и Федор Федорович Лужин, в возрасте всего 34 лет, пережив своего товарища по экспедиции Е.М.Евреинова на 3 года. Таким образом, в этом 1997 г. исполнилось ровно 270 лет со времени кончины Ф.Ф.Лужина.

Материалы экспедиции Евреинова и Лужина и, прежде всего, их карта, внесли крупный вклад в исследования Северо-Востока нашей родины, в географические открытия на Тихом океане. Евреинов и Лужин первыми произвели в Сибири, на Камчатке и Северных Курилах инструментальные определения географических координат многих пунктов, составили географически и картографически достоверное (для своего времени) изображение огромных малонаселенных и почти неизвестных пространств. Карта и отчет экспедиции Евреинова и Лужина были использованы при составлении первой Генеральной (общей) карты Российской империи (1733–34 гг.). Известно, что для этого в Сенате была сделана копия с карты Евреинова — Лужина. Влияние этой карты прослеживается и много позднее — в Западной Европе, где присущие ей особенности ориентировки и очертаний Камчатки, Курил, северного побережья Охотского моря видны на карте известного французского астронома и картографа И.-Н.Делиля (1752 г.) бывшего до того руководителем работ по генеральной карте и атласу России в Российской академии наук и «позаимствовавшего» многие оригинальные карты, составленные российскими геодезистами и мореходами.

Труды Евреинова и Лужина утверждают русский приоритет в научном обследовании и картографировании Курильских островов. Они явились мостом между самобытными описаниями этих островов русскими землепроходцами (И.Козыревский) и солидными, научно и технически оснащенными экспедициями В.Беринга и его спутников.

При жизни Ф.Ф.Лужин и Е.М.Евреиновы были одними из многих русских служилых людей, выдвинутых эпохой Петра I и отдавших жизнь становлению и развитию могучего Российского государства. Они не были забыты: на северном побережье Охотского моря есть бухта Лужина и мыс Евреинова. Среди проливов Курильской гряды есть проливы Евреинова и Лужина.

Туристская экспедиция по маршруту экспедиции Евреинова и Лужина может оживить историческую память их гражданского и научного подвига, укрепить связь времен между прошлым, настоящим и будущим России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев А.И. Экспедиции на восток до Беринга / Труды историко-архивного института. — Т.II. — М., 1946.
2. Евтеев О.А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. — М., 1950.
3. Ефимов А.В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. — М., 1948.